
ИСТОРИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

А. Ф. МАКАРОВА

РАВЕНСТВО И НЕРАВЕНСТВО В ФИЛОСОФИИ Н. А. БЕРДЯЕВА*

В статье рассматриваются взгляды Н. А. Бердяева на категории равенства и неравенства, иерархии и анархии, механики и органики, «хаоса» и «космоса» в общественной жизни; исследуется его послереволюционная публицистика (статьи в периодических изданиях «Русская мысль», «Русская свобода», «Народоправство»), а также книга «Философия неравенства», в которой Бердяев развил и обострил темы равенства и неравенства, затронутые в статьях. «Философия неравенства» была написана в 1918 г. в Советской России и впервые опубликована в 1923 г. в Берлине; это и последующие издания содержат многочисленные расхождения с текстом рукописи, хранящейся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ). Автор приходит к выводу о чрезвычайной важности категорий иерархии и неравенства для философии Бердяева, по значимости и частоте рассмотрения сопоставимых с центральными для него категориями личности, свободы и творчества; отмечает влияние идей о благотворности неравенства на отношение Бердяева к Октябрьской революции и другим пореволюционным историческим событиям; находит отголоски идей философа по вопросам равенства и неравенства у других известных мыслителей – в частности, Питирима Сорокина и Хосе Ортега-и-Гассета.

Ключевые слова: *неравенство, равенство, иерархия, аристократия, демократия, элитология.*

The article considers Nikolai Berdyaev's views on the problem of equality and inequality, hierarchy and anarchy, mechanics and organics, "chaos" and "cosmos" in public life; the author studies Berdyaev's post-revolutionary political essays (articles in the periodicals "Russkaya Mysl", "Russkaya Svoboda", "Narodopravstvo"), as well as the book "The Philosophy of Inequality",

---

* Статья подготовлена в рамках работы Ведущей научной школы философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова «Трансформации культуры, общества и истории: философско-теоретическое осмысление».

in which the philosopher developed and sharpened the topics of equality and inequality raised in the articles. 'The Philosophy of Inequality' was written in 1918 in Soviet Russia and first published in 1923 in Berlin; this and subsequent editions contain numerous discrepancies with the text of Berdyaev's manuscript stored in the Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). The author comes to the conclusion that the categories of hierarchy and inequality are extremely important for Berdyaev's philosophy, in terms of importance and frequency of consideration that are comparable with the central categories of personality, freedom and creativity for him; the author also notes the influence of ideas about positive effects of inequality on Berdyaev's attitude to the October Revolution and other post-revolutionary historical events, and finds echoes of Berdyaev's ideas on issues of equality and inequality among other famous thinkers – in particular, Pitirim Sorokin and Jose Ortega-i-Gasset.

Keywords: *inequality, equality, hierarchy, aristocracy, democracy, elitology.*

Проблемы равенства и неравенства являются одними из ключевых для философского мирозерцания Н. А. Бердяева – по значимости они сопоставимы с важнейшими для него понятиями свободы, личности и творчества. Особую актуальность они приобрели в дни Октябрьской революции 1917 г., когда стали очевидны намерения революционеров построить «новый мир», низвергающий прежний уклад. Бердяев, которого революции – и Февральская, и Октябрьская – застали в Москве, воспринял эти события с тревогой и опасением, но творчески и общественно активно: только за 1917 г. вышли 40 статей и пять брошюр, а кроме того, Бердяев участвовал в деятельности Клуба московских писателей, Лиги русской культуры, даже в делах Временного правительства. Несмотря на включенность в общественно-политическую повестку, философ продолжал размышлять и о вопросах духовной трансформации страны, охваченной стихией большевизма, – в том числе о проблеме иерархии и неравенства. Н. А. Бердяев полагает неравенство необходимым условием сохранения целостности личности и возможности творчества, а насильственное нарушение этого лада он однозначно трактует как катастрофу – отсюда и яростные нападки на «принудительное товарищество» вместо братства во Христе [Бердяев 1923: 159]. В статьях пореволюционного периода он последовательно развивает мысль о губительности низвержения иерархий, которое происходило в стихии Русской революции –

иерархий как социально-экономических и политических, так и метафизических, духовных.

Необходимо пояснить ключевые понятия, используемые в данной статье, а также специфику их восприятия Н. А. Бердяевым. Слово «иерархия» имеет греческое происхождение (букв. – *власть первосвященника*) и впервые встречается в работах «О небесной иерархии» и «О церковной иерархии» Псевдо-Дионисия Ареопагита, где он представляет порядок небесных (премирных) чинов и продолжающийся в церкви всеобщий иерархический принцип мироустройства. Будучи религиозным философом и глубинно восприняв это христианское учение, Бердяев употребляет понятие «иерархия» именно в значении мироустроительного принципа, который допускает неравенство как следствие и одновременно условие богатства бытия и замысла Бога о каждом человеке, каждой нации, каждом государстве. Таким образом, и неравенство – не политико-экономическая категория, а результат наделения людей различным даром (талантами) и различного их употребления; поэтому насильственное уравнивание людей, которое производится по низшей планке, – прямая вражда с Божьим промыслом, которая обедняет и изувечивает человека. Прочие значения «иерархии» и «неравенства» – сугубо социологические или экономические – являются для Н. А. Бердяева не основными как в публицистике, так и в «Философии неравенства». Синонимический ряд, дополняющий и раскрывающий суть понятия «иерархия» – «лад, порядок, космос»; Бердяев противопоставляет этому комплексу понятий «анархию, смешение, хаос». Наблюдая нарастание стихии большевизма и революции в Москве 1917 г., мыслитель тревожно констатировал вырождение в России всяких иерархий.

Иерархия и неравенство в пореволюционной публицистике Н. А. Бердяева

Катастрофические события второй декады XX в. отразились в россыпи статей Бердяева, опубликованных в изданиях «Русская мысль», «Русская свобода», «Народоправство» и некоторых других. В них, помимо реакции на актуальную повестку – война и две революции, – Бердяев размышляет о ключевых и сквозных для его творчества категориях: свобода, личность, творчество, основы об-

щественности, судьба России. Рассмотрение этих тем может показаться отвлеченным и неуместным в обстановке полыхающей красным огнем страны, однако именно обобщение и выявление метафизической глубины переломных событий, не отягощенное политической ангажированностью, – долг мыслителя, который Бердяев пытался выполнить по мере сил и религиозно-философской зрелости.

Прежде всего отметим ключевое, на наш взгляд, положение философии Н. А. Бердяева по вопросу равенства и неравенства: иерархия как принцип устройства мира и неравенство как предпосылка возникновения иерархии органичны, естественны и потому благотворны. Среди иерархических ступеней бытия философ особо выделяет национальность: она имеет свою «бытийственную индивидуальность» [Бердяев 1990: 94], и именно в утверждении индивидуальности каждой национальности – начало установления совершенного братства между людьми, всечеловечества. Как отдельная личность, так и национальность – конкретная индивидуальность, а человечество – «конкретная индивидуальность высшей иерархической ступени, соборная личность, а не абстракция, не механическая сумма» [Там же]. В этом восстании Бердяева против пустых абстракций, против абстрактного космополитизма выражается его вполне христианское чаяние полноты бытия – но не в угашении и угнетении всех различий и особенностей, а в их совершении. И вхождение каждого человека в организм-человечество возможно, по нему, лишь через национальность (но не «национальничанье» – то есть нарочитую демонстрацию национальной принадлежности); «отвлеченность» человека или отрицание его русскости, французскости, немецкости – попытка перескочить через ступень бытия в его иерархии, попытка бесплодная и обедняющая (похожее рассуждение находим в статье 1916 г. «Об оправданиях любви к Отечеству»). Мировая иерархия состоит из следующих возрастающих друг в друга иерархий: личность, нация, человечество, космос, Бог. Особенно резко Н. А. Бердяев восстает против ложного всечеловечества с позиций рационалистического гуманизма в статье 1917 г. «Интернационал и единство человечества». Ошибочно, на его взгляд, само противоположение национального и общечеловеческого. Всеединство – это не упразднение наций, а их высшее утверждение. Общество – не упразднение качественных различий, а вхождение каждого человека в его призвание и в служение ближнему.

Революционное низвержение иерархий Бердяев объясняет разнудавшимся духом нигилизма, который соединился с народной тьмой. Восставшие массы отрицают иерархию качеств, завидуют тем, кто выше их, и впадают в соблазн всеобщего равенства [Бердяев 2007]¹. В такой ситуации возникают квазихилиастические идеи устройства рая на земле, свободной (точнее, насильственно зачищенной, оторванной) от старых иерархий. Святыни – тоже некогда важные элементы иерархий – опрокинуты и поруганы из того же чувства вражды к высшему. Даже марксизм революционерами воспринимался, по мнению Н. А. Бердяева, «прежде всего как цинический нигилизм, направленный на разрушение всех онтологических реальностей» [Там же: 615]. Итак, корень агрессивного стремления к уравниванию на всех уровнях он видит в непреодоленном *ressentiment* (враждебности, озлоблении) народных масс, охотно и некритически воспринявших революционные лозунги и требования равенства – например, расхожие строки из «Интернационала»: «Кто был никем – тот станет всем!»²

Понятие «иерархия» необходимо рассмотреть и в расхожем смысле – как социально-экономическое или политическое неравенство, как расслоение и избирательную привилегированность. В. И. Ленин в 1914 г. писал, споря с М. И. Туган-Барановским: «Под равенством социал-демократы в области политической разумеют равноправие, а в области экономической, как уже сказано, уничтожение классов. Об установлении же человеческого равенства в смысле равенства сил и способностей (телесных и душевных) социалисты и не помышляют» [Ленин 1980: 362]. Это характерная линия конфликта: обвинения в претензии на тотальное уравнивание идеологи большевизма однозначно отклоняли, обращая внимание на борьбу исключительно на политико-экономическом поле (заметим, что В. И. Ленин парировал позицию М. И. Туган-Барановского в 1914 г., задолго до разгрома революционной стихии). Такую борьбу за социальную справедливость Бердяев отнюдь не порицал и даже признавал необходимой – и эта позиция станет одной из причин постоянных упре-

¹ Первая публикация: Бердяев Н. А. Кто виноват? // Русская свобода. 1917. № 18/19.

² Оригинальный текст содержит более призывную грамматическую конструкцию: «Nousnesommesrien, soyonstout!» («Мы – те, кто был никем, – станем же всем!»)

ков в «левизне» (что он, впрочем, и не опровергал). Н. А. Бердяев пишет в 1907 г. в статье «Великий инквизитор»: «О, конечно, в социализме есть и великая правда, так как велика ложь капиталистической и буржуазной общественности, я думаю даже, что в известном смысле нельзя не быть социалистом, это элементарная истина» [Бердяев 1999: 67]. Через 10 лет он разовьет тему правды и лжи «религиозно не нейтрального» социализма в «Философии неравенства».

Бердяев нечасто рассуждает на экономические темы, однако вопрос экономического обоснования социализма он неоднократно поднимает в пореволюционных текстах. Интуитивно он хорошо чувствует коренную проблему: социализм должен возникать от избытка, а не от недостатка. «Нет никакой возможности вбить в голову русских социалистов объективную истину марксизма о развитии производительных сил как экономическом базисе социализма, о зависимости распределения от производства» [Его же 2007: 638]³. Тем не менее главным вопросом, подчеркивает мыслитель, становится не производство и развитие производительных сил (в широком смысле – творчество), а распределение, раздел и уравнивание; но «никакой раздел не может разрешить проблемы бедности и нужды, сам по себе он лишь опускает ниже уровень человечества» [Там же: 639]. Социалистические эксперименты в условиях сугубо экстенсивного типа хозяйствования в России он полагает необоснованными и реакционными.

Сохранение органических иерархий может не противоречить стремлению к социально-экономической справедливости, и Бердяев это, конечно, понимал. Однако форма, размах и грубо-насильственный характер революционных событий явственно обнаружили не борьбу народа за достойное существование и равенство прав, а разгульную нигилистическую стихию «красного хлыстовства». Деятели Октябрьской революции сметали иерархии не из ревности к народному благу, а из хамского⁴ и завистливо-обиженного отношения ко всему, что выше, духовно богаче и сильнее. Более очевидная жажда материального уравнивания, принимавшая характер

---

³ Первая публикация: Бердяев Н. А. Объективные основы общественности // Народоуправство. 1917. № 13.

⁴ По имени библейского героя Хама, проявившего неуважение к отцу Ною; таким образом, хамство – пренебрежительное отношение к культуре и заветам отцов.

мародерства, не стала предметом отдельного размышления Бердяева – он более всего рассуждал о метафизическом аспекте ненависти к иерархии, об этом духовном недуге, вполне проявившемся в 1917 г. и далее.

В статье «О престиже власти» философ указывает на архаичность иерархии «чинов, а не людей», по-прежнему господствующую в России. Уже в этой статье Бердяев начинает обозначать свою приверженность идее меритократии, «власти лучших», «высокие качества личности» здесь и далее он будет называть ключевой характеристикой истинной элиты. Равенство должно быть в том, чтобы каждый человек имел возможность включиться в отбор наиболее ценного, лучшего, высшего. Неприемлемы кастовость и сословность – иными словами, неприемлем жесткий социально детерминированный ценз «на вход». Однако необходим ценз «на выход» – на результат сформированных в человеке когнитивных и прочих навыков – его должно быть возможно оценивать, ранжировать и отбирать лучшее. Термин, синонимичный «меритократии» – «естественная аристократия» (это понятие употреблял, например, Т. Джефферсон). Отметим, впрочем, что критерии и процедура выявления «естественной аристократии» неясны, а заявления о необходимости приведения «лучших» к политической власти много веков остаются только декларациями.

Особо следует отметить статью «Демократия и иерархия»⁵, которая во многом предвосхитила «Философию неравенства»; в этой статье Н. А. Бердяев кратко и наиболее емко обозначил свои иерархологические воззрения: пагубность эгалитарно-нигилистической страсти, беспрецедентный бунт русской революции против иерархического начала, «русское отвержение Бога, мира, истории, культуры как неравенства», подмена всеединства (полноты всех ступеней бытия) «упростительным и уравнительным смешением» (уничтожением всех градаций и иерархий), злобная зависть как ложное основание строительства новой страны, необходимость воспитания демократии в иерархическом (аристократическом) духе.

Может показаться, что Бердяев со своей настойчивой защитой иерархии и аристократии возмущен «падением священного Русского

---

⁵ Первое издание: Бердяев Н. А. Демократия и иерархия // Русская свобода. 1917. № 9.

царства» и жаждет восстановления русской «органики», тоскует по сословности; на самом же деле революционный разгул он считает вполне назревшим и заслуженным, революция и есть новая органика России, возврат к дореволюционной ситуации невозможен. Ткань русской истории не разорвана, а лишь вывернута наизнанку и остается той же самой тканью, где все связано и взаимообусловлено.

Социально-философские идеи Н. А. Бердяева в «Философии неравенства»

Книга «Философия неравенства (Письма к недругам по социальной философии)» занимает особое место в творчестве Николая Александровича; о ней часто говорят в контексте «отречения» философа от собственного текста, хотя очевидной остается преемственность идей и самого пафоса книги рассмотренным выше статьям. Бердяев имел способность каяться (в том числе публично – например, через тексты) и признавать свои ошибки, и одной из таких ошибок он спустя время счел эмоциональную незрелость и вспыльчивость, выплеснутые на страницы «Писем к недругам». Книга действительно написана «наотмашь», яростно, и за невыдержанность тона Бердяев называет ее нелюбимой: «В самом начале 18 г. я написал книгу “Философия неравенства”, которую не люблю <...> Но должен сказать, что в этой совершенно эмоциональной книге, отражающей бурную реакцию против тех дней, я остался верен моей любви к свободе. Я также и сейчас думаю, что равенство есть метафизически пустая идея и что социальная правда должна быть основана на достоинстве каждой личности, а не на равенстве» [Бердяев 1991: 229]. Другое замечание по поводу даты написания этого текста мы находим в первой главе: «План этой книги зародился в стихии русской революции. И писать ее я начал в день годовщины революции» [Его же 1923: 7]; еще одна ремарка относительно даты – в Послесловии: «Книга моя “Философия неравенства” написана летом 1918 г. в атмосфере страстного духовного противления торжествовавшей коммунистической революции» [Там же: 243]. Таким образом, дата начала работы над «Философией неравенства» на основании прямых указаний автора определяется как 23 февраля (8 марта) 1918 г., окончание – лето 1918 г., дата написания Послесловия – 29 марта 1923 г. (Берлин).

«Философия неравенства» структурирована в 14 «писем» – глав, раскрывающих важные категории социальной философии в контексте неравенства: нация, государство, революция, консерватизм, либерализм, аристократия, демократия, социализм и т. д. Сквозным тезисом книги является обоснование необходимости неравенства, его органичности общественному бытию и отторжение насильственного упразднения всякой «иерархии качеств». Наиболее интонационно резкими нам представляются главы «О русской революции» и «О социализме»; впрочем, и в других главах основными оппонентами выступают носители революционного духа, «глашатаи материалистической революции» (очевидно, в противоположность духовной революции), «все уравниатели и смесители» [Бердяев 1923: 42].

Как мы уже отмечали, ключевыми для Н. А. Бердяева всегда оставались темы личности, свободы и творчества. Несмотря на тематическую насыщенность социально-философскими вопросами, в «Философии неравенства» он по-прежнему озадачен своей корневой триадой, но в специфической оптике: каким образом уравнительное смешение революционной эпохи влияет на жизнь личности, на творческую свободу, на культуру?

В письме «О русской революции» Бердяев вновь пишет об отсутствии необходимого закала личности русского человека и самодисциплины его души. Враждебность к культуре как к порождению «буржуазному», смешение права и морали (в лучшем случае смешение, а иногда и отрицание того и другого) – все это формирует неблагоприятную среду для человека, и вопросом физического выживания становится наиболее простая и незаметная интеграция в общность. Основным объектом обличительных стрел Бердяева становятся народники, меняющие одеяния, но всегда стремящиеся «истребить всякое величие» во благо народа, во имя народных интересов; «немецкая одежда социал-демократии» принесла наибольшие разрушения. Впрочем, Николай Александрович никогда не выступал за сохранение актуального состояния «темного мужицкого царства» – напротив, неисполнение интеллигенцией своего долга и ложные идеалы «заморозили» Россию в недолжном состоянии, которое вполне обнаружилось в начале XX в. Не выполнив «закон относительного существования на земле» – культуры, права, государственности, хозяйственного устройства, дисциплины личности, –

Россия не двинется дальше. Таков неутешительный вывод Бердяева. Симпатия к советскому строительству в период эмиграции отчасти объясняется тем, что философ, вероятно, узнал о строительстве в масштабах страны и воспринял это как долгожданное выполнение закона «относительного существования»; но вместе с тем угашение свободы как условие такого строительства никак не могло быть оправдано.

В главе «О нации» Н. А. Бердяев устанавливает свой взгляд на нацию как «мистическую личность», имеющую своих отцов, свою традицию и предание, с которыми нельзя порывать. Забвение предков и упразднение исторической памяти наносит нации в целом и каждому человеку в частности глубочайшую травму. «Революционный интернационализм и есть последовательная религия смерти, отрицание нетленности. Эта религия не признает надгробных памятников» [Бердяев 1923: 77], что созвучно вышеупомянутой статье «Интернационал и единство человечества». Как идея всечеловечества оказалась отравлена ложью интернационализма, так и русский мессианизм, по мысли Бердяева, был подменен мессианизмом революционным, оторвавшись от религиозных основ. Подобным образом мыслитель восстает против других подмен: так, духовная соборность и братство подменяются сначала коллективизмом, поработавшим личность, а затем социалистическим принудительным товариществом и равенством («братство без Христа», «безличное соединение» [Там же: 159]): «Пафос равенства есть пафос зависти, а не любви. Движения, порожденные уравнительной страстью, дышат мстостью, они хотят не жертвовать, а отнимать. Братство – органично, равенство же – механично» [Бердяев 2007: 728]⁶. Бог, по его мнению, оказывается «подменен народом, ценности – интересами, духовные реальности – преходящими благами социальных классов» [Его же 1923: 20]. Тайнственные цели жизни человека заменены постижимыми, и последние признаются единственно возможными.

Попутно Бердяев делает замечания и относительно экономических мотиваций «уравнителей»: «Но и в качестве социал-демократов вы остались народниками, вы были выразителями экстенсивного духа раздела, а не интенсивного духа творчества. Ведь это – исконная идея русской интеллигенции, что социальный во-

---

⁶ Первое издание: Бердяев Н. А. Класс и человек // Народопрямство. 1918. № 20.

прос нужно решать разделом, а не увеличением производительности, не творческим трудом» [Бердяев 1923: 21]. Похожее суждение мы уже находили в статье «Объективные основы общественности»; большее внимание экономическим вопросам Бердяев уделяет в главе «О хозяйстве» – так, например, он утверждает неравенство необходимой предпосылкой развития производительных сил: «Неравенство есть могущественнейшее орудие развития производительных сил. Уравнение в бедности, в нищете сделало бы невозможным развитие производительных сил. Неравенство есть условие всякого творческого процесса, всякой созидательной инициативы, всякого подбора элементов, более годных для производства» [Там же: 254].

Особо следует отметить главу «Об аристократии», так как в ней сосредоточены некоторые важные тезисы по проблеме неравенства. Конечно, Н. А. Бердяев пишет не об «аристократии крови», не о родовом преемстве, а об аристократии как принципе жизнеустройства общества – возможности найти и выбрать лучших и облечь их властью. Демократия может способствовать упрочению аристократии, предлагая процедуру отбора лучших, осуществляя меритократический принцип. Служение, жертвенность, смирение, чувство сыновства и преемства – признаки истинной аристократии. Сыновство – тоже не родовая характеристика, а мистическое богосыновство, причастность Божескому естеству, которую может постичь любой человек, независимо от происхождения – так же, как и психология раба может быть присуща социальным «верхам»: «Пролетарская психология и пролетарское сознание не обязательно должны быть у рабочего, у человека, стоящего на низших ступенях социальной лестницы. И раб может чувствовать себя сыновним по отношению к Богу, к родине, к отцу и матери, может глубоко переживать свою связь с великим национальным и космическим целым, свое место в иерархии. Я знал чернорабочих, которые были более аристократами, чем многие дворяне» (одним из таких чернорабочих был Акимушка – Бердяев упоминает о нем в «Самопознании» [Бердяев 1991: 201]). Таким образом, вопрос принадлежности к истинной (естественной, духовной) аристократии решается отнюдь не линейно. Социализм же, в своем идейном пределе, культивирует «чувство подпольной обиды восставшего раба» и отрицает богосыновство человека. В письме «О социализме» философ под социализмом подразумевает прежде всего классовую ненависть и борьбу, вражду имущих и неимущих, восстание масс [Его же 1923: 191].

В четырнадцати письмах «Философии неравенства» Н. А. Бердяев предлагает апологию иерархического принципа устройства общества, культуры, хозяйства, государства, нации, личности, обличая ложь, которую он видел в революции, демократии, социализме и анархизме; понимая, что революционную волну не повернуть вспять, философ считал возможным защитить религиозно-онтологические основы общественности от полного разрушения, иерархию качеств – от решительного демонтажа во имя бессодержательной идеи равенства. В работах периода эмиграции также присутствует этот пафос защиты организма от превращения его в механизм, но «Философия неравенства», несмотря на стилистическую специфику, остается одной из наиболее емких и репрезентативных работ Бердяева по социальной философии.

В Российском государственном архиве литературы и искусств (РГАЛИ) хранится рукопись «Философии неравенства»⁷, в процессе работы с которой были обнаружены многочисленные расхождения с текстом, опубликованным в 1923 г. в Берлине⁸. Рукопись содержит слова и предложения, не вошедшие в печатный текст, в то же время в ней отсутствуют некоторые элементы, включенные в финальную верстку. Кроме берлинского издания 1923 г., существуют версии 1970 г.⁹ (в дореволюционной орфографии, как и первое издание), 1991¹⁰, 2006¹¹ и 2012¹² гг. (в новой орфографии). Переиздания в новой орфографии наследуют расхождения с текстом рукописи берлинского издания, а также усугубляют их исключением из текста некоторых предложений и прочими искажениями: например, в рукописи Бердяев называет революцию «безобразной», а в печатном варианте характеристика изменена на «антирелигиозную»; фраза «Русский народ – очень грешный народ» превратилась в более комплиментарную «Русский народ – великий, но грешный народ», что существенно меняет тональность оценки.

⁷ РГАЛИ. Ф. 1496. Оп. 1. Ед. хр. 1, 2. «Философия неравенства».

⁸ Бердяев Н. А. Философия неравенства. Берлин : Обелиск, 1923.

⁹ Бердяев Н. А. Философия неравенства. Париж : YMCA-Press, 1971.

¹⁰ Бердяев Н. А. Философия неравенства. Париж : YMCA-Press, 1990.

¹¹ Бердяев Н. А. Философия неравенства. М. : АСТ, 2006.

¹² Бердяев Н. А. Философия неравенства. М. : Ин-т русской цивилизации, 2012.

По совокупности обнаруженных несоответствий мы считаем важным переиздать исправленный текст «Философии неравенства» по рукописи, снабдив его научным комментарием. Кроме того, редакционные огрехи в столь известном тексте наводят на мысль о необходимости проверки соответствия других работ мыслителя архивным материалам – как рукописям, так и машинописным копиям. Публикации текста в старой орфографии (1923 и 1971 гг.) содержат меньше текстуальных искажений, чем в новой – таким образом, необходимо корректное издание во избежание последующего тиражирования неточностей. Отметим, впрочем, что в архиве Н. А. Бердяева есть документы, еще более явно нуждающиеся в переиздании, если принимать во внимание волю автора: так, статья «Духи русской революции», вошедшая в сборник «Из глубины» (1918), была собственноручно исправлена автором (в основном в сторону смягчения оценок), однако при переизданиях используется исходный вариант – несомненно, более «острый» и полемичный, но неактуальный даже в послереволюционный период творчества мыслителя.

Темы неравенства у Х. Ортега-и-Гассета и П. А. Сорокина

В разработку темы неравенства, помимо Н. А. Бердяева, внесли свой вклад и другие мыслители – среди них можно выделить Хосе Ортега-и-Гассета и Питирима Александровича Сорокина. Примечательно, что все трое жили примерно в одно время: Бердяев – в 1874–1948 гг., Ортега-и-Гассет – в 1883–1955 гг., Сорокин – в 1889–1968 гг.; даже продолжительность жизни у них примерно одинакова: 74, 72 и 79 лет соответственно.

Х. Ортега-и-Гассет, испанский философ и социолог, известен прежде всего работами «Бесхребетная Испания», «Дегуманизация искусства», «Восстание масс». В вопросах элитологии¹³ его идеи созвучны размышлениям Бердяева, и исследователи творчества испанца ставят вопрос о заимствовании (даже называют его «переводчиком» «Философии неравенства»¹⁴) – однако однозначного ответа на него нет¹⁵. Стоит отметить, что в опубликованных

¹³ Термин предложен Г. К. Ашиным в 1985 г.

¹⁴ См.: Карабущенко 2008.

¹⁵ Кроме «Философии неравенства» Х. Ортега-и-Гассет был, вероятно, знаком с «Новым Средневековьем», опубликованным в 1924 г.

текстах Х. Ортега-и-Гассета ссылок на русского мыслителя не обнаружено, в то время как у Бердяева мы находим следующее свидетельство: «Испанский философ Ортега очень остроумно говорит, что идея либерализма как свободы личности от власти государства и общества коренится совсем не во французской революции и не в принципах демократии, а в феодализме, в средневековом замке, который средневековый рыцарь защищал с оружием в руках» [Бердяев 1994: 330]¹⁶.

«Восстание масс» (“La rebelión de las masas”), одна из известнейших работ Ортега-и-Гассета, с 1926 г. публиковалась в одной из мадридских газет, а в виде книги была издана в 1930 г. Н. А. Бердяев успел ознакомиться с этим текстом – по крайней мере, точно знал о его существовании: «Ортега употребляет выражение “восстание масс”. Нарастание количества и власть большего числа меняет характер культуры, перерождает самую духовную жизнь» [Его же 1995: 62]. Идейно она действительно созвучна некоторым посылам «Философии неравенства» – например, базовому противопоставлению элитарных и эгалитарных тенденций современного им общества, с тревожной констатацией нарастания последних; кроме того, сходно противопоставление массы и аристократии как духовного (или, по Ортеге, психологического) типа, обличение ложной аристократии и насильнических инстинктов «масс», представление об аристократичности общества как неотъемлемой его характеристике в нормальном состоянии (а в ненормальном, соответственно, происходит низвержение аристократии и иерархии), указание на торжество уравнивания: «Мы живем в эпоху уравнивания – уравниваются богатства, уравнивается культура, уравнивается слабый и сильный пол» [Ортега-и-Гассет 2002: 29]. Интересно сравнить характеристику, данную большевизму: «Типично массовые движения, возглавленные, как и следовало ждать, недалекими людьми старого образца, с короткой памятью и нехваткой исторического чутья, они с самого начала выглядят так, словно канули в прошлое, и, едва возникнув, кажутся реликтами» [Там же: 87], – пишет Х. Ортега-и-Гассет о двух «новинках» – большевизме и фашизме; «Старые люди, изолгавшиеся и потерявшие нравственный центр,

---

¹⁶ В поздней работе «Царство Духа и царство Кесаря» Бердяев также упоминает этот пассаж Ортега-и-Гассета.

являются в новых одеяниях и прикрываются новыми словами» [Бердяев 2007: 574], – пишет Н. А. Бердяев о революционерах в 1917 г. (писать в это время о фашизме и национал-социализме он, конечно, не имел исторической возможности). Даже само словосочетание «восстание масс», пусть и несколько модифицированное, мы также находим у Бердяева: «С философской точки зрения, русская революция есть чистый, ничем не ограниченный и ничему не подчиненный психологизм, восстание произвола человеческих масс против всякого онтологизма» [Там же: 612].

Но несмотря на созвучие ряда тезисов и тезаурусное сходство, на наш взгляд, не следует делать вывод о прямом заимствовании-адаптации: во-первых, материал исследования двух мыслителей различен – Н. А. Бердяев пишет прежде всего о судьбе России в связи с революционными событиями 1917 г., Х. Ортега-и-Гассет же рассуждает об общемировом восстании масс, прилагая эту тенденцию к европейской почве, во-вторых – Ортега-и-Гассет описывает «массового» («рядового», «среднего», «заурядного») человека преимущественно как «избалованного ребенка» [Ортега-и-Гассет 2002: 57] и «недоросля» (название главы), Бердяев же более категоричен: «Массы, вернувшиеся в естественное состояние, превращаются в беспорядочные толпы и в конце концов в звериные орды. Безобразная лож называть социализмом корыстные и захватные интересы стихийных масс, не подчиняющихся никакой общей и высшей правде» [Бердяев 1998: 136]. Саму категорию «массового человека» он воспринимает как временную, нежелательную стадию и по-прежнему чаёт воспитания и оформления личности из «темной народной массы», одержимой революционно-нигилистической враждой ко всякому иерархизму. Кроме того, Ортега, несмотря на эссеистический жанр «Восстания масс», пишет об этой проблематике в гораздо более объективно-социологической манере, отличной от надрывного и трагического текста Бердяева.

Значительно более очевидным является влияние творчества Н. А. Бердяева на другого русского ученого и мыслителя, также оказавшегося за рубежом в 1922 г.¹⁷, – Питирима Александровича Сорокина. Историческим и культурологическим воззрениям

---

¹⁷ П. А. Сорокин был выслан из Петрограда в 1922 г. – но не на пароходе, а на поезде.

Бердяева Сорокин посвятил главу в своем позднем труде «Современная историософия и социальная философия»¹⁸, изначально называвшемся «Социальная философия в эпоху кризиса».

В работе «Социология революции» П. А. Сорокин определяет мировоззрение Бердяева как «гипертрофированный мистицизм» [Сорокин 2008: 283] и выносит его за скобки, обращая внимание только на рационально-дискурсивную часть его рассуждений. Сознательное игнорирование метафизического аспекта историософии Бердяева не могло не обеднить исследование Сорокина; несомненно, впрочем, то, что социолог был знаком с текстами своего старшего современника по социальной философии: «Смысл истории» (1923), «Философия неравенства» (1923¹⁹), «Христианство и классовая борьба» (1931). Также П. А. Сорокин указывает работу *Solitude and Society* (1930) – по всей видимости, он имеет в виду главу работы «Я и мир объектов» – «Я, одиночество и общество», опубликованную в 1934 г. Кроме того, отметим статью Сорокина «Начало великой ревизии», опубликованную в 1922 г., в которой он реагирует на сборник «Освальд Шпенглер и закат Европы», называя авторов (и в том числе Бердяева) «большевиками наизнанку» [Сорокин 1922].

П. А. Сорокин вошел в историю социологической мысли, развив теорию социальной стратификации и социальной мобильности, преемственные бердяевской идее необходимого неравенства: «Социальная стратификация означает дифференциацию некой данной совокупности людей на иерархически соподчиненные классы. Она проявляется в наличии высших и низших слоев» [Его же 2005: 9]. «Стратификация» выступает более нейтральным термином по сравнению с «неравенством» – как и многие термины, заимствованные у естественных наук, – однако означает, в сущности, то же самое; возникновение как геологических, так и социальных страт – неизбежное, почти стихийно-природное явление. Отметим, что Сорокин пишет о профилях экономической, политической и профессиональной стратификации, обозначая закономерности их оформления

---

¹⁸ Перевод основной статьи, посвященной историософии Н. А. Бердяева, вышел в 1992 г. [Сорокин 1992], а позже был включен в сборник «Н. А. Бердяев: pro et contra» [Его же 1994]. Перевод содержит некоторые неточности.

¹⁹ Сорокин неверно указывает 1922 год издания.

и границы (амплитуду), не рассматривая вопросы космоса и хаоса, иерархии и анархии как борющихся принципов общественной жизни, оставаясь на позиции ученого-социолога.

Десятью годами ранее, в Петрограде в 1917 г. вышла брошюра Питирима Сорокина «Проблема социального равенства», в которой он высказывает идею, на первый взгляд, противоположную бердяевской – социализм должен требовать не только экономического равенства, но и интеллектуального, и морально-правового, при этом интеллектуальное равенство он мыслит как «обладание более или менее одинаково развитым логико-мыслительным аппаратом, а не обладание одинаковыми познаниями» [Сорокин 1917: 43]. По его словам, борьба и за интеллектуальное, и за морально-правовое равенство не тождественна борьбе за «абсолютное равенство», которое неосуществимо; предлагаемая борьба не низведет «Христа на уровень разбойника», а будет способствовать восхождению разбойника до уровня Христа, Ньютон не падет до дикаря, напротив – дикарь получит возможность стать Ньютоном [Там же 1917: 44]. С учетом того, что брошюра писалась П. А. Сорокиным всего на год раньше, чем «Философия неравенства», – очевидна разница восприятия проблемы неравенства мыслителями, и дальнейший дрейф Сорокина в сторону научных методов социологии предсказуем: ведь даже в революционной России он смог столь отрешенно-спокойно рассуждать на острые социально-философские темы.

* * *

Проблемы неравенства и иерархии стоят в первом ряду социально-философских интересов Н. А. Бердяева; «Философия неравенства» стала кульминационной точкой его пореволюционного творчества, вобрав основные выводы уготовлявших ее газетных публикаций; анализ, представленный в данной статье, неполон – так, например, не рассмотрены некоторые аспекты, касающиеся принципов формирования элит, культуры, техники, духовно-религиозные вопросы. Девиз Французской республики (если трактовать каждый элемент не в духе гражданского общества, а предельном и высшем смысле) философ мог бы переформулировать в русле своих предпочтений как «Свобода, неравенство и братство». Свобода человека – залог его целостности, братство людей –

возможность осуществить благое общественное устройство, осознавая рождение от единого Отца, естественное неравенство людей и иерархия ступеней бытия сохранят цветение жизни – таково было религиозно-философское упование Николая Александровича Бердяева даже в катастрофические послереволюционные годы.

Литература

- Бердяев Н. А. Философия неравенства. Берлин : Обелиск, 1923.
- Бердяев Н. А. Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности. М. : Философское общество СССР, 1990.
- Бердяев Н. А. Самопознание. М. : Книга, 1991.
- Бердяев Н. А. Философия свободного духа. М. : Республика, 1994.
- Бердяев Н. А. Царство Духа и царство Кесаря. М. : Республика, 1995.
- Бердяев Н. А. Правда и ложь в общественной жизни / Н. А. Бердяев // Духовные основы русской революции. СПб. : РХГИ, 1998.
- Бердяев Н. А. Новое религиозное сознание и общественность. М. : Канон+, 1999.
- Бердяев Н. А. Падение священного русского царства. Публицистика 1914–1922. М. : Астрель, 2007.
- Карабущенко П. Л. Элитология Н. А. Бердяева в свете элитологических воззрений Х. Ортега-и-Гассета // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2008. № 4. С. 163–170.
- Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 24. М. : Политиздат, 1980.
- Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М. : АСТ, 2002.
- Сорокин П. А. Проблема социального равенства. Пг. : Революционная мысль, 1917.
- Сорокин П. А. Начало великой ревизии // Вестник литературы. 1922. № 2–3.
- Сорокин П. А. Николай Бердяев // Кентавр. 1992. Июль-август. С. 147–152.
- Сорокин П. А. Н. А. Бердяев // Н. А. Бердяев: pro et contra / сост. А. А. Ермичев. СПб., 1994. Кн. 1. С. 477–482.
- Сорокин П. А. Социальная мобильность. М. : Academia, 2005.
- Сорокин П. А. Социология революции. М. : Астрель, 2008.